

— ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВозАЩИТНАЯ — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-70-75
УДК 342.56

Дата поступления статьи: 19/X/2018
Дата принятия статьи: 16/XI/2018

Е. В. Марьина

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© **Марьина Евгения Владимировна** (evgeniya.maryina@legalclinic.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм». Автор 40 научных и учебно-методических публикаций, в том числе соавтор учебника «Уголовный процесс» (2015), учебного пособия «Судебная система Российской Федерации» (2016).

Область научных интересов: сравнительное уголовное правосудие и уголовный процесс, зарубежные правоохранительные органы, противодействие коррупции.

АННОТАЦИЯ

В статье проведен ретроспективный анализ развития российской судебной системы. Рассмотрены основные законодательные новеллы в уголовном и гражданском судоустройстве: появление апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, Суда по интеллектуальным правам, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ. На основании изученного законодательства последних лет сделаны предположения о дальнейших направлениях судебной реформы. Усиливающаяся роль Верховного Суда РФ позволяет сделать принципиальный вывод о необходимости пересмотра его полномочий, об оставлении за ним функции контроля (в форме второй кассации) нижестоящих судов в части соблюдения единообразия правоприменительной практики, а также исключения надзора из числа судебных инстанций. Также имеет смысл перевод судов общей юрисдикции в трехзвенную систему при сохранении возможности рассмотрения дел в первой инстанции за тремя видами судов: мировыми судьями; районным судом; Верховным судом республики, краевым (областным) судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа. При этом мировые судьи должны войти в структуру районного суда. Рассмотрена возможность принятия Единого гражданского процессуального кодекса.

Ключевые слова: судебная система, судебные инстанции, Верховный Суд, мировая юстиция, апелляционные и кассационные окружные суды общей юрисдикции, Единый гражданский процессуальный кодекс.

Цитирование. Марьина Е. В. Трансформация судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 70–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-70-75>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

E. V. Marina

TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

© Marina Evgeniya Vladimirovna (evgeniya.maryina@legalclinic.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Corruption crimes: branch and cross-branch harmonization of norms». Author of 40 scientific and methodical works, including textbooks written in collaboration: «Criminal procedure» (2015), «Judicial system in the Russian Federation» (2016).

Research interests: comparative criminal justice and criminal procedure, foreign law enforcement agencies, fight against corruption.

ABSTRACT

In the article a retrospective analysis of the development of the Russian judicial system is presented. The main legislative innovations in the criminal and civil court system are considered: the emergence of appeal and cassation courts of general jurisdiction, Court of intellectual property rights, the abolition of the Supreme Arbitration Court of Russia. On the basis of studied legislation in recent years assumptions were made about the future directions of judicial reform. Thus, the increasing role of the Supreme Court of Russia makes it possible to draw a principle conclusion about the need to review its powers, to leave it the function of control of lower courts in terms of compliance with the uniformity of law enforcement practice as well as the exclusion of supervision from the number of courts. As well as the transfer of courts of general jurisdiction in the three-tier system, while maintaining the possibility of consideration of cases in the first instance for three types of courts: magistrates; district court; Supreme Court of the Republic, regional court, court of cities of the federal significance, court of the autonomous region, court of the autonomous district. At the same time, justices of peace should be included in the structure of the district court. Possibility of adoption of the uniform Civil Procedure Code.

Key words: judiciary, courts, Supreme Court, global justice, appellate court, circuit courts of general jurisdiction, Civil Procedure Code.

Citation. Marina E. V. *Transformatsiia sudebnoi sistemy Rossiyskoi Federatsii na sovremennom etape* [Transformation of the judicial system of the Russian Federation at the present stage]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 70–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-70-75> [in Russian].

Структура судебной системы Российской Федерации, закрепленная нормами главы 7 Конституции РФ и изначально состоявшая из Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и иных федеральных судов, за последние двадцать пять лет претерпела существенные изменения.

В 1991 году, еще до принятия Конституции РФ, была утверждена Концепция судебной реформы в РСФСР, определившая основные направления трансформации советской судебной системы. По мнению разработчиков Концепции, судебная власть должна была стать самостоятельной системой в механизме государственной власти, независимой от законодательной и исполнительной ветвей власти. Говорилось о необходимости создания специализированных судов для несовершеннолетних и для разрешения административных дел; также предлагалось образовать федеральные

окружные суды. Особенно подчеркивалось, что территория судебных округов не должна совпадать с административно-территориальным делением государства. Суд присяжных должен был стать общедоступным, и право на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей предполагалось в отношении преступлений, наказание за которые предусматривало свыше одного года лишения свободы. Более того, исследовалась возможность введения суда присяжных и по гражданским делам. Институт мировых судей, как возможность сближения правосудия с народом, должен был стать судом первой инстанции по делам об административных правонарушениях, уголовным проступкам и делам частного обвинения, малозначительным гражданским делам, а также органом судебного контроля за следствием. В Концепции не обошли вниманием и институт «почетных (неоплачиваемых) мировых судей»,

привлекаемых к рассмотрению дел временно. Также речь шла о необходимости введения института контроля за предварительным следствием – следственных судей.

Не остались без внимания в этом случае и формальные источники права, закрепляющие основы организации новой судебной системы: наряду с государственными законами признавалась необходимость применения международных и межгосударственных нормативных договоров.

Комплексный подход, изучение зарубежного опыта, грамотный анализ существовавших в системе правосудия недостатков – вот те свойства, которыми обладала Концепция 1991 г. В этой связи интересен ретроспективный анализ изменений законодательства об организации и деятельности российской судебной системы последних лет. Более того, анализ российской системы судов небезынтересно проводить в комплексе с изучением соответствующего законодательства государств соответствующего пространства.

Первая проблема. Институт мировых судей, призванный обеспечить быстрый доступ граждан к правосудию, оперативное разрешение относительно простых правовых споров, а также «узнаваемость» мирового судьи жителями соответствующего судебного участка – вот основная идея мировой юстиции. Неспроста в Концепции говорится о мандате такого судьи, полученном от избирателей. Это означает, что на сравнительно небольшом судебном участке мирового судью знают, а он, руководствуясь не только законом, но и совестью, здравым смыслом, разрешает правовые споры. В 1998 году был принят Федеральный закон «О мировых судьях», который определил, что субъекты Российской Федерации могут выбрать один из двух вариантов наделения мировых судей полномочиями: назначение законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ или избрание населением соответствующего участка. Изучение законодательства субъектов РФ о мировых судьях приводит к выводу, что выборы мировых судей нигде не предусмотрены. Реализовалась ли идея мировых судей как судей, близких к гражданам? Скорее всего, нет, и произошло это как в связи с большим количеством дел, рассматриваемых мировыми судьями, так и по причине чрезмерных размеров судебных участков, население которых зачастую доходит до 30 тысяч человек. Справедливости ради стоит отметить, что в постсоветских государствах этот институт также отсутствует. Если же анализировать законодательство других стран, то во Франции действуют магистратские суды и в них рассматриваются дела непрофессиональными судьями. В Германии в участковых судах допускается осуществление правосудия с участием шеффенов, которыми могут быть почетные жители города. В США магистратские (мировые) суды являются частью системы федеральных окружных судов. Грузия пошла по американскому пути, и ее законодатель допускает возможность создания магистратских судов, входящих в состав районных судов. Вполне было бы разумно в ходе нынешней судебной реформы,

увеличившей количество звеньев судебной системы до шести, включить мировых судей в состав районных судов. Более того, Закон РФ «О статусе судей» уже закрепил такое организационное полномочие председателя районного суда в отношении мировых судей, как возможность передачи дел от одного мирового судьи другому, если превышена средняя нагрузка на мирового судью по судебному району. При этом существует и иной подход к изменению мировой юстиции, а именно – ее полная автономизация, отделение от федеральной судебной власти [1, с. 38]. Соглашаясь с доводами М. И. Клеандрова о необходимости подобных изменений, к которым он относит доступность суда для жителей малых городов, тем не менее стоит заметить, что предложенная концепция является сложно реализуемой на практике, особенно в финансовом и организационном плане, так как предлагается наряду с уже действующими мировыми судьями ввести на уровне района апелляционную палату мировой юстиции и кассационную палату мировой юстиции субъекта Российской Федерации. Полноценная система самостоятельной, независимой от субъектов местной власти мировой юстиции, безусловно, привлекательна и могла бы предоставить возможность участия в разрешении правовых споров всем гражданам, в том числе и социально незащищенным слоям населения. Для этой категории граждан отсутствие необходимости переездов в другие субъекты Российской Федерации для участия в пересмотре дела может послужить дополнительным аргументом в отстаивании своих нарушенных прав. Однако сложно представить в ближайшее время возникновение этой, по сути, специализированной системы мировой юстиции.

Вторая проблема. Еще одна система судов, подвергшаяся реформированию за последние годы, – военные суды. Единая система военных судов появилась лишь в 1999 г. с принятием Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации». Военные суды призваны разрешать правовые споры с участием военнослужащих и лиц, проходящих военные сборы. Изначально военными судьями были военнослужащие, но возникающее двойное подчинение Министерству обороны РФ и органам судейского сообщества нарушало принципы независимости судей и единства статуса судей. В 2009 году на законодательном уровне было закреплено, что лицо, ставшее военным судьей, на период замещения должности судьи должно либо приостановить, либо прекратить службу в Вооруженных Силах Российской Федерации. Но столь длительное приостановление военной службы (выполнение полномочий судьи возможно до 70 лет) заставило скорректировать и эти нововведения, признав за лицом, назначенным судьей, право только на прекращение военной службы.

Компетенция военных судов также претерпела изменения. Только военные суды могут рассматривать преступления террористической направленности: террористический акт, организацию незаконного вооруженного формирования, на-

сильственный захват власти, вооруженный мятеж и другие. С 1 июня 2018 г. в гарнизонных военных судах появился институт присяжных заседателей.

Изменения судебной системы 2018 года привели к созданию апелляционных военных судов и кассационных военных судов, в результате чего поменялась и сама система военных судов. Так, Приволжский и Уральский окружные военные суды объединены в Центральный окружной военный суд, некоторые окружные военные суды переименованы, ряд гарнизонных военных судов также объединен.

Во многих постсоветских государствах военные суды отсутствуют, и их возникновение допускается лишь в военное время или в условиях чрезвычайной ситуации (Беларусь, Грузия, Латвия, Литва, Эстония). В этой связи возникает главный вопрос – о целесообразности существования самостоятельной системы военных судов. По этому поводу ведутся дискуссии, и военные суды называют «советским анахронизмом», не совместимым с гражданским обществом [2].

Тем не менее существование военных судов действительно имеет объективные предпосылки, связанные с особой природой Вооруженных Сил, целью деятельности которых является обеспечение военной безопасности [3, с. 117]. Также не стоит забывать, что военные суды дислоцируются и за пределами Российской Федерации и их полномочия не смогут выполнять иные суды.

Третья проблема. Наличие реально действующего органа конституционного контроля, пожалуй, является одним из важнейших признаков верховенства права и правового государства. Именно поэтому одним из первых действий еще советского государства по направлению к демократизации общественной жизни стало создание в 1989 г. Комитета конституционного надзора СССР, а затем в 1991 г. ему на смену пришел Конституционный Суд Российской Федерации. Защита конституционного строя, а также основных прав и свобод личности является основной задачей Конституционного Суда. Так, в 2015 году Конституционный Суд признал, что решения Европейского суда по правам человека могут не исполняться, если они противоречат Конституции Российской Федерации. Наличие подобной правовой позиции подчеркивает, что Конституционный Суд стоит на страже Конституции, ее верховенства на территории государства, даже если это может повлечь несоблюдение общепризнанных норм международного права и международных договоров. В подтверждение этого утверждения уместно высказывание В. Д. Зорькина, что Конституционный Суд в своей работе решает две не всегда сочетаемые задачи: задачу гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством и задачу защиты собственной конституционной идентичности [4, с. 814]. Стоит еще раз подчеркнуть, что Конституция РФ имеет прямое действие, поэтому любые акты, противоречащие ей, не должны исполняться на территории России.

Что касается деятельности Конституционного Суда РФ, то здесь за последние годы также произошли изменения. В 2010 г. структура Суда видоизменилась, были ликвидированы палаты. Если раньше рассмотрение дела было возможно одновременно в двух палатах и в пленарном заседании, то теперь процесс разрешения дел замедлился, так как все дела рассматриваются на заседании с проведением слушания. Также полномочия председателя Суда не ограничены теперь предельным возрастом и возможностью повторного переизбрания на новый срок. Председатель Конституционного Суда назначается Советом Федерации, в то время как изначально его выбирали сами судьи. С 2001 г. появилась возможность привлекать судей Конституционного Суда к дисциплинарной ответственности. Понятно, что подобные изменения уменьшили самостоятельность судей Конституционного Суда и увеличили их зависимость от председателя.

Следует обратить внимание также на последние изменения российской судебной системы, посредством которых усиливается роль Верховного Суда РФ и он становится гарантом единообразного понимания закона. Подобные новеллы ставят принципиальный вопрос о возможной новой роли Конституционного Суда РФ. Так, далеко не во всех государствах существует отдельный самостоятельно действующий орган конституционного правосудия. В Соединенных Штатах Америки эти полномочия выполняет Верховный Суд США, который осуществляет конституционный контроль наряду с пересмотром дел в апелляционном порядке. В Киргизии Конституционная палата является структурным подразделением Верховного Суда. В Туркменистане Конституционный Суд отсутствует, при этом конституционный контроль осуществляет законодательный орган власти – Меджелис.

Четвертая проблема. Система арбитражных судов также подверглась реформированию. В 2013 году появился специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам, в компетенцию которого входит защита интеллектуальных прав. В 2014 году Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен, его полномочия по рассмотрению и пересмотру дел были переданы специально созданной судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Эта коллегия пересматривает решения арбитражных судов в кассационном порядке, а также рассматривает в пределах своей компетенции дела по существу. При этом судопроизводство ведется на основании норм не АПК РФ, а гражданского процессуального законодательства. Последние изменения законодательства направлены на унификацию правоприменительной практики в судах общей и специальной юрисдикции. Тем не менее объединение высших судов не повлекло слияния судов общей юрисдикции с арбитражными судами, в том числе по причине разных подходов к организации судебных инстанций и правил судопроизводства в них. В связи с этим активно обсуж-

дается вопрос о необходимости применения норм единого ГПК РФ во всем арбитражном судопроизводстве, так как законодатель при создании АПК РФ использовал масштабные копирования норм ГПК [5, с. 14]. Разработчики Концепции единого ГПК РФ указывают на то, что гражданский и арбитражный процесс имеют много общих институтов, которые «конкурируют» между собой [6]. Однако недостатки, которые определены в Концепции, носят больше технический характер, чем фундаментальный. Более того, в 2015 г. был принят Кодекс административного судопроизводства, получивший противоречивую оценку в юридическом сообществе и не распространивший свое действие на систему арбитражных судов. Правила доказывания, которые сложились в арбитражном процессе, имеют особенности, обусловленные спецификой разрешаемых споров. Например, обязанность ответчика направить или представить отзыв на исковое заявление с указанием возражений относительно предъявленных к нему требований. При невыполнении этой обязанности суд вправе независимо от результатов дела отнестись судебные расходы на ответчика. Подобная норма, разумеется, отсутствует в гражданском процессе, но в арбитражном процессе, где участвуют профессиональные участники – юридические лица, это допустимо. Хотелось бы отметить, что вопрос объединения арбитражных судов с судами общей юрисдикции решает и другую возникшую ранее фундаментальную проблему: является ли арбитражное процессуальное право самостоятельной отраслью права, так как, не имея самостоятельного предмета и метода правового регулирования, по сути, может рассматриваться в качестве подотрасли гражданского процессуального права, и тогда слияние этих нормативных систем допустимо. Таким образом, более детальная проработка Концепции с оставлением преимуществ обоих кодексов в едином Гражданском процессуальном кодексе делает возможным объединение этих судов.

Пятая проблема. Также в настоящий момент видоизменению подвергся статус Верховного Суда Российской Федерации. Во-первых, с 2014 г. Верховный Суд перестал считаться судом общей юрисдикции ввиду того, что теперь является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным делам и делам по экономическим спорам. Во-вторых, только Верховный Суд может пересматривать решения в порядке надзора. Вообще надзорная инстанция является экстраординарным средством пересмотра судебных решений, чуждая европейским традициям. Многие страны постсоветского пространства (Армения, Азербайджан, Казахстан, Молдова, Украина, Грузия, страны Прибалтики) также отказываются от этой формы пересмотра решений, переходя на трехзвенную систему судостроительства. Несмотря на наличие в России надзорного производства, для Европейского суда по правам человека окончательным решением в национальной судебной системе считается кассационное. Отчасти по этой причине российский законодатель

пересмотрел свое мнение по поводу существующих инстанций. Если до 2012 года в кассационном порядке пересматривались не вступившие в силу решения суда, то теперь, как известно, такие решения пересматриваются в апелляции, в кассационном же порядке – вступившие в законную силу решения. Вопрос о необходимости сохранения надзорного производства является спорным. Существование надзорного производства нарушает принцип правовой определенности, согласно которому окончательное решение суда не должно ставиться под сомнение [7, с. 124]. В-третьих, с 1999 г. появилась возможность пересматривать не вступившие в силу решения судебных коллегий Верховного Суда и проверять решения на справедливость и обоснованность благодаря созданию Кассационной коллегии, которая позже была переименована в Апелляционную коллегию. В-четвертых, была создана Дисциплинарная коллегия, пришедшая на смену Дисциплинарному судебному присутствию, образованному в 2010 г. и разрешающему вопросы, связанные с досрочным прекращением полномочий судьи.

Шестая проблема. Все вышеперечисленные изменения привели в 2018 г. к принятию закона о создании на территории Российской Федерации апелляционных и кассационных окружных судов общей юрисдикции. В таком виде судебная система могла бы иметь вполне законченный вид, если бы законодатель был последователен и все-таки узаконил трехзвенную систему судов общей и специальной юрисдикции. Но этого не произошло. Можно даже согласиться с оставлением в судебной системе трех судов, рассматривающих дела по первой инстанции. В силу географических особенностей нашего государства оставление за мировыми судьями, районными судами и судами общей юрисдикции в субъектах Российской Федерации права рассматривать правовой спор по существу разумно и дает возможность каждому обращаться в суд по месту жительства. Однако оставление двух кассаций, а также надзорных полномочий у Верховного Суда перегружает судебную систему. Поэтому перераспределение нагрузки между звеньями судебной системы своевременно. Но при этом судьи превращаются не просто в независимых арбитров, разрешающих правовые конфликты на основании закона и совести, а включаются в механизм государственного контроля, когда уже вступившие в силу решения суда могут пересматриваться по нескольку раз, затягивая правосудие. Возможность отмены уже вступивших в законную силу судебных решений через длительный промежуток времени оставляет заинтересованных лиц в неопределенном положении. И это усиливается еще и тем, что право на обжалование судебных решений имеют все заинтересованные лица.

Вышеуказанные проблемы позволяют выделить одно генеральное направление реформирования российской судебной системы: усиление роли Верховного Суда РФ и оставление за ним функции контроля за единообразным применением закона. Участие в пересмотре решений нижестоящих су-

дов должно стать исключением, нежели правилом, и должно реализовываться в исключительных случаях, когда речь идет о серьезных нарушениях прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Клеандров М. И. О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал Российского права. 2015. № 3 (219). С. 31–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/6583>.

2. Выжutowич В. Закон в мундире. URL: <https://rg.ru/2003/09/26/Zakonvmundire.html> (дата обращения: 03.10.2018)

3. Шулепов Н. А. Военные суды в Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2012. № 656. С. 116–129.

4. Зорькин В. Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5 (54). С. 812–819. DOI: <http://doi.org/10.12737/16128>.

5. Опалев Р. О. О возможных направлениях развития административного судопроизводства после принятия КАС РФ // Судья. 2017. № 3 (35). С. 11–14.

6. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 224 с.

7. Лантух Н. В. Экстраординарные способы обжалования и пересмотра судебных решений по уголовным делам: проблемы и перспективы // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции, Юго-Западный государственный университет. Курск: Университетская книга, 2015. С. 124–129.

in the Russian Federation]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2015, no. 3 (219), pp. 31–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/6583> [in Russian].

2. Vyzhutovich V. *Zakon v mundire* [Law in uniform]. Available at: <https://rg.ru/2003/09/26/Zakonvmundire.html> (accessed 03.10.2018) [in Russian].

3. Shulepov N. A. *Voennye sudy v Rossiiskoi Federatsii* [Military courts in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [MSLU Bulletin. Social Sciences], 2012, no. 656, pp. 116–129. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18842318> [in Russian].

4. Zorkin V. D. *Problemy implementatsii Konventsii o pravakh cheloveka* [Implementation problems of the Convention on Human Rights]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2015, no. 5(54), pp. 812–819. DOI: <http://doi.org/10.12737/16128> [in Russian].

5. Opalev R. O. *O vozmozhnykh napravleniiakh razvitiia administrativnogo sudoproizvodstva posle priniatiia KAS RF* [On possible directions of development of administrative proceedings after the adoption of the CAS of the Russian Federation]. *Sud'ia* [Judge], 2017, no. 3 (35), pp. 11–14 [in Russian].

6. *Kontseptsiiia edinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation]. *Komitet Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii po grazhdanskomu, ugovnomu, arbitrazhnomu i protsessual'nom zakonodatel'stvu, P. V. Krashennnikov* [Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation, P. V. Krashennnikov]. М.: Статут, 2015, 224 p. [in Russian].

7. Lantukh N. V. *Ekstraordinarnye sposoby obzhalovaniia i peresmotra sudebnykh reshenii po ugovnym delam: problemy i perspektivy* [Extraordinary ways of appeal and review of judicial decisions in criminal cases: problems and prospects]. In: *Problemy otpravleniia pravosudiia po ugovnym delam v sovremennoi Rossii: teoriia i praktika. Sbornik nauchnykh statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Iugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet* [Problems of administration of justice in criminal cases in modern Russia: theory and practice. Collection of scientific articles of the IV International research and practical conference. South-West State University]. Kursk: Universitetskaia kniga, 2015, pp. 124–129 [in Russian].

References

1. Kleandrov M. I. *O modeli radikal'noi avtonomizatsii mirovoi iustitsii v Rossiiskoi Federatsii* [On the Model of the Global Justice Radical Autonomation